

М. В. Шкаровский

СКАНДИНАВСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕЛИГИОЗНУЮ ЖИЗНЬ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В XVII–XX ВЕКАХ

Статья посвящена четырехвековой истории Евангелическо-Лютеранской Церкви на Северо-Западе России. Первый лютеранский приход на этих землях был основан в 1590 г. В XVII в. — в период шведского владычества — Ингерманландия была покрыта сетью лютеранских приходов. После возвращения ее Россией в XVIII в. и начала переселения в окрестности Санкт-Петербурга немцев-колонистов Евангелическо-Лютеранская Церковь получила дальнейшее развитие. В 1917 г. Петроградский церковный округ включал 119 приходов, 167 церквей, 683 молитвенных дома, около 120 пасторов и 703000 прихожан, из которых более половины проживало в северо-западных губерниях. Именно в Северной столице находились центральные органы Евангелическо-Лютеранской Церкви России: Генеральная и Петроградская консистории. После революции 1917 г. начались гонения на лютеран, в конце 1930-х гг. были закрыты их последние храмы, а вскоре немцы и финны оказались депортированы. В 1990-е гг. началось возрождение Евангелическо-Лютеранской Церкви в России, и Петербург, как и ранее, является ее центром.

Ключевые слова: Евангелическо-Лютеранская Церковь, скандинавское влияние, Северо-Запад, Россия, Санкт-Петербург.

Евангелическо-Лютеранская Церковь на Северо-Западе России имеет четырехвековую историю, что в значительной степени объясняется скандинавским влиянием. Принято считать, что первый лютеранский приход на этих землях был основан в 1590 г. в старинном городе-крепости Копорье. Широкое же распространение нового вероучения началось после заключения в 1617 г. Столбовского мирного договора, по которому Россия отдала Швеции южное побережье Финского залива, Карельский перешеек и Северное Приладожье. Вся эта территория в договоре была названа Ингерманландией, что терминологически соответствовало финскому «Инкери» и русским «Ингрия», «Ижорская земля». Вскоре после этого Швеция, стремясь закрепить на новых землях, опустошенных войной и сильно обезлюдивших, начинает поощрять переселение туда финских крестьян, в первую очередь освобождением их от военной службы и налогов. Для лютеран на завоеванной территории сначала действовали лишь армейские пасторы, находившиеся при гарнизонах и в городах. Но с ростом числа переселенцев-крестьян появилась необходимость организации сельских приходов. В 1623 г. шведский король Густав II Адольф приказал разделить территорию Ингрии на приходы, направить туда священников и построить церкви. Рост числа лютеранских церквей и приходов шел быстро. В 1630 г. в Ингрии было всего 8 церквей (в которых служили 6 пасторов), а к 1655 г. насчитывалось уже 58 приходов, 36 церквей и 42 пастора (позже число приходов сократилось за счет их укрупнения). Приходы объединялись в два пропства: западное (Ивангородское) и восточное (Неванлинское). В 1642 г. их выделили в отдельную епархию, которую возглавил суперинтендент Х. Стахель (Стахелиус), занимавший до этого пост ассессора Нарвской консистории. Для успешной деятельности Лютеранской Церкви в Ингерманландии была создана

Михаил Витальевич Шкаровский — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (shkarovs@mail.ru).

прочная экономическая база: треть всех податей, которые взимала на этой территории шведская казна, шла на нужды церкви [Казьмина, Шлыгина, 1999, 107–116].

В самом начале XVIII в. Ингрия была освобождена русскими войсками, в 1708 г. ее территория стала самостоятельной Ингерманландской губернией, а с 1710 г. вошла в состав Санкт-Петербургской. Когда заключенный в 1721 г. Ништадтский мирный договор закрепил права России на эти земли, на них осталось проживать многотысячное финское население. Причем местная Лютеранская Церковь практически не пострадала. О сохранении ее прав Петр I заявил еще в 1702 г., а затем это было подтверждено в мирном договоре.

Новая столица Российского государства, Санкт-Петербург, был основан в мае 1703 г., но уже с 1640 г. на будущей территории города существовал лютеранский приход в шведской крепости Ниеншанц. И после взятия и разрушения этой крепости приход не прекратил своего существования, еще несколько лет его продолжал возглавлять все тот же шведский пастор Якоб Мейделин. Согласно же другим данным, первый лютеранский шведско-финский приход появился в Петербурге в 1703 г., через несколько месяцев после основания города. Петр I активно привлекал на русскую службу военных, моряков, инженеров, архитекторов из различных стран Европы. Иностранцам даровалось право публично проводить богослужения со всеми таинствами и обрядами, а также строить собственные церкви. Первая такая деревянная лютеранская церковь была построена в Петропавловской крепости — сердце нового города — в 1703 г., а на следующий год была образована община Св. Петра. К концу же правления императора в Петербурге существовало уже пять евангелических общин [Таценко, 1999, 245–280].

В управлении Ингерманландской Церковью произошли существенные изменения. Нарвская консистория, в ведении которой при шведах находились лютеранские приходы Ингрии, в 1704 г. прекратила свое существование. После этого Ингерманландская Церковь некоторое время подчинялась непосредственно российскому Сенату, а затем, с 1718 г. — Юридической коллегии. В 1721 г. все дела Ингерманландской Церкви (как и других религиозных объединений) перешли в ведение основанного Петром I Святейшего Синода. В 1727 г. при нем был образован консисториальный отдел Юридической коллегии по делам иноверцев. Стоявший во главе отдела прокуратор следил за тем, чтобы решения религиозных объединений не противоречили российским законам. В этом отделе главенствующую роль играли немецкие пасторы, и основным официальным языком был немецкий. Такое положение объяснялось тем, что среди помещиков лютеранского вероисповедания в Петербургской губернии преобладали остзейские немцы. При императрице Елизавете Петровне было основано Санкт-Петербургское консисториальное заседание, а лютеранам в 1758 г. официально разрешили иметь при кирхах кладбища.

Новый существенный импульс для своего развития Лютеранская Церковь получила при императрице Екатерине II, урожденной принцессе Анхальт-Цербской. Вскоре после восшествия на престол она издала ставший широко известным манифест от 22 июля 1763 г.: «Всем иностранцам дозволяем в империю Нашу въезжать и селиться, где кто пожелает, во всех наших губерниях». В результате за несколько десятилетий в стране возникло более 300 немецких поселений. В 1766 г. императрица учредила и первый Ново-Саратовский приход под Петербургом для трех созданных в том же году колоний: Ново-Саратовской, Колпинской и Средней Рогатки. К началу XX в. в столичной губернии насчитывалась уже 31 немецкая колония. Они были объединены в 6 лютеранских приходов, имевших 10 церквей, 9 молитвенных домов и помещений, а также 18 церковных школ [Вернер, 1999, 321].

При Александре I в 1804 г. было создано высшее интендантство Петербургской губернии, которое с 1810 г. стало носить название Управление духовных дел иностранных исповеданий. Вхождение в 1809 г. Финляндии в состав России на правах автономного великого княжества упростило контакты Ингерманландской Церкви с финской и значительно облегчило ее деятельность. В 1820 г. по распоряжению

Александра I в Петербургской консистории была создана должность руководителя Ингерманландской Церковью. Им стал энергичный и образованный епископ из Порвоо (Финляндия) Сакари Сюгнеус. По его инициативе и под его руководством началась реорганизация работы Церкви. Были установлены новые границы приходов. Для удобства управления приходы объединили в три пропства: Северную, Восточную и Западную Ингрию. Повсеместно провели ремонт церквей. Священнослужителей, пренебрегавших своими обязанностями, а также плохо знавших финский язык, сместили. Продолжалось в 1804–1819 гг. и активное создание новых немецких колоний под Петербургом и в других местах империи [Казьмина, Шлыгина, 1999, 110].

Крупнейшая реорганизация Лютеранской Церкви как на Северо-Западе России, так и во всей империи произошла в царствование Николая I. 28 декабря 1832 г. император подписал Устав Евангелическо-Лютеранской Церкви. Юридическая коллегия была упразднена и заменена Генеральной консисторией, а Управление церковных дел иностранных исповеданий перешло из Министерства народного просвещения в ведение Министерства внутренних дел, при котором был учрежден особый Департамент духовных дел иностранных исповеданий. С введением Устава организационное строение Евангелическо-Лютеранской Церкви России приняло упорядоченный вид. Во главе ее находилась Генеральная консистория в Петербурге под руководством духовного суперинтендента — епископа и светского президента. Консистория руководила всей деятельностью Церкви: назначала и увольняла пасторов и пропстов, рассматривала судебные дела, наблюдала за правильностью отправления богослужения в общинах и т. д. Генералсуперинтендантами и вице-президентами Генеральной консистории являлись И. Фольборт (1832–1840), Ф. Пауффлер (1840–1856), К. Ульманн (1856–1868), Ю. Рихтер (1868–1892), К. Фрейфельд (1892–1918). Отдельные общины объединялись в приходы, приходы — в пропства, пропства — в консисториальные округа, которых на территории России (не считая Прибалтики) было два — Петербургский и Московский. Высшим органом церковного управления формально являлся Генеральный Синод. Санкт-Петербургский округ состоял из северных и западных русских, украинских губерний, а также Бессарабии, Таврии, области войска Донского и части Кубани. В 1856 г. в нем проживало 224095 прихожан, имелось 80 духовных лиц и 164 церкви, около трети из которых находились в северо-западном регионе [Лиценбергер, 1999, 45–46].

Уже в XVII в. Лютеранская Церковь начала выполнять в Ингерманландии образовательную и культурную функции. Новое вероучение предполагало освоение его всем народом, в том числе и крестьянами, которым в идеале следовало уметь читать духовную литературу. В тот период преподавание в возникших приходских школах велось преимущественно на латыни, реже на шведском языке. Особенно большое внимание культурно-просветительной деятельности Ингерманландская Церковь стала уделять в XIX в., стремясь к тому, чтобы все местное финское население получило начальные знания. Приходы являлись центрами финских колоний. В каждом из них был человек, отвечавший за народное образование, чаще всего церковный кантор, который нередко выступал в роли учителя. С 1870-х гг. широкое развитие получили финские воскресные школы, в 1910-е гг. их действовало свыше 570 с 16 тыс. учащихся. Помимо организации сельских школ пасторы создавали библиотеки, занимались распространением духовной литературы, календарей, газет. В губернии возникла целая сеть финских библиотек (в конце XIX в. их насчитывалось 22) — частью при церквях, частью при школах. В 1863 г. в Колпанах была открыта семинария для подготовки учителей, канторов и организаторов. В это время культурная жизнь сельского населения Ингерманландии сильно оживилась под влиянием бурного развития национального движения в Финляндии. Возникли просветительское общество «Сойхту», общество трезвости, певческие хоры и т. п. Особой популярностью пользовалась церковная музыка. В частности, широкую известность имел хор при петербургской церкви Св. Марии. Главный пастор этого прихода основал и специальную церковную газету. Следует упомянуть также, что пасторы Ингерманландской Церкви проявляли немалый

интерес к традиционному быту и обычаям малых финноязычных народов — води и ижорцев. Им принадлежит заметный вклад в изучение культуры этих этносов [Казьмина, Шлыгина, 1999, 110–111].

Колонии немцев в России, в том числе находившиеся под Петербургом, были объединены в округа, в основу организации которых оказался положен вероисповедный принцип. Духовным лицам был полностью передан контроль над церквями и школами. Наряду с проведением богослужений пастор или проповедник занимал первое место в преподавательском составе учебных заведений колоний. Немецкая школа сохраняла черты, данные ей реформационным движением, и считалась средством сообщения народу основ веры. Если в селе не было церкви, то школьное здание становилось и местом молитвенных собраний. Почти каждое немецкое село имело свою церковно-приходскую школу, а каждый приход — несколько школ и училище, вплоть до 1891 г. преподавание велось только на немецком языке. Выпускники, закончившие среднее учебное заведение при лютеранской церкви, получали такие же права, как и выпускники всех российских гимназий. В Петербурге особой популярностью пользовались немецкие училища Петершуле и Анненшуле. Многие пасторы учреждали также просветительские кружки и осуществляли издание специальной литературы. К началу I Мировой войны в ряде городов и немецких колоний Российской империи издавалось несколько десятков периодических немецкоязычных изданий, из которых свыше 20% редактировалось духовными лицами [Курило, 1996, 47–48].

В XIX в. в Петербургскую губернию переселилось значительное количество эстонцев, и столица империи становится эпицентром их национального движения. Здесь в 1869–1870-х гг. создается кружок патриотически настроенной эстонской интеллигенции, с 1870 г. проходят первые в истории театральные представления на эстонском языке, в 1885 г. открывается эстонская театральная школа, выходит эстонская газета — «Петербургский вестник» и т. д. И этому развитию национальной культуры активно способствовала Лютеранская Церковь. В 1787 г. в столице была образована эстонская община, а в 1844 г. при ней открыта 4-классная школа. Еще через 15 лет — в 1860 г., в Петербурге состоялось освящение большой каменной церкви Св. Иоанна. В дальнейшем этот храм стал средоточием всей эстонской культурной и общественной жизни в городе. Так, в церковном здании с 1860-х гг. устраивались большие концерты духовного содержания на эстонском языке. Например, в 1866 г. была впервые исполнена сложная концертная программа из 20 произведений классической музыки. Организация самостоятельной церковной жизни в городе проходила в контексте национального возрождения эстонской культуры. Сходная ситуация существовала у латышей. Принятие лютеранства способствовало развитию национального языка и повышению народной грамотности, поскольку вводилось богослужение на родном языке, а обычай конфирмации требовал грамотности верующих. Пасторами было положено начало латышской письменности и организации народного обучения. И построенная в Петербурге в 1849 г. церковь Иисуса стала средоточием культурной жизни латышского населения города, в ней собиралось на воскресные богослужения большинство латышей столицы. Наименьшей по численности была шведская лютеранская община, но и она в XIX в. превратилась в своеобразный культурный скандинавский центр в Петербурге. Пасторы сообщали прихожанам новости из Швеции и Финляндии, привозили оттуда газеты. При церкви Св. Екатерины действовало три школы: для мальчиков, девочек, и воскресная. В них уделялось значительное внимание пению и музыке, а в 1911 г. при церкви был образован певческий союз. В число прихожан входило много известных деятелей культуры и искусства: архитектор Ф. Лидваль, балетный танцовщик П. Юхансон, поэтесса Э. Седерген, ювелиры А. Тилландер, Э. Будлин и др. [Таценко, 1999, 272–275].

Вся эта культурная деятельность не была обособленной по национальному признаку. Многие приходы являлись смешанными. Например, в Кронштадте имелось две церкви — эстонско-финско-шведская Св. Николая и немецко-латышская Св. Елизаветы, в Гатчине и Шлиссельбурге кирки являлись немецко-финско-эстонскими.

Смешанные по национальному составу приходы существовали и в селах. Так, приход Молосковицы в Ингерманландии включал 2300 финнов и 2000 эстонцев. Контакты облегчались родственностью финского и эстонского языков, а также тем, что значительная часть латышей и эстонцев знали немецкий, и пасторами в их приходах нередко были немцы. Не случайно немец Фрейфельдт, служивший пастором в петербургской церкви Св. Иоанна, явился одним из инициаторов оформления эстонского отделения немецкого культурного общества «Паммс» и стал его председателем. В 1902 г. пастор шведского столичного прихода Г. Каянус образовал два молодежных союза (для мальчиков и девочек), вначале как филиалы соответствующих немецких, самостоятельными они стали позднее — в 1905 г. и т. д. [Курило, 1996, 109, 143].

Во второй половине XIX в. завершился процесс формирования единой Евангелическо-Лютеранской Церкви России. Она пользовалась особым расположением правительства, и число лютеран в стране быстро росло. Повсеместно строились новые храмы, открывались церковные школы и училища. В 1914 г. в существовавших пяти евангелическо-лютеранских консисториях числилось 526 приходов: в Лифляндской — 146, Курляндской — 124, Петербургской — 118, Московской — 81 и Эстляндской — 57. Кроме того, в Варшавской евангелическо-аугсбургской консистории насчитывалось 67 приходов, имелась в империи и 31 реформатская община. Таким образом, общее количество протестантских приходов, не считая существующих в Финляндии, достигло 624 (ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 33. Л. 12). Число же пасторов в 1917 г. только в двух российских округах, по разным оценкам, колебалось от 191 до 230 (ВА, R4902/11244, Вл. 3).

Особенно быстро число лютеран росло в северо-западном регионе. Именно во второй половине XIX — начале XX вв. сюда переселилось несколько десятков тысяч эстонских и латышских крестьян, образовавших большое количество колоний, прежде всего в Псковской и Новгородской губерниях. Согласно переписи 1897 г., только в Петербургской губернии насчитывалось 264 тыс. лютеран, из которых 69% составляли финны, 21% немцы, 3% латыши. А в 1917 г. в Петроградском консисториальном округе проживало 145 тыс. финнов, 96 тыс. эстонцев, 40 тыс. латышей и 6 тыс. шведов. Почти все они жили в трех северо-западных губерниях. Относительно же 415 тыс. немцев округа такой вывод сделать нельзя, большинство их проживало на Украине. Однако именно Петербург являлся самым «немецким» городом России: по некоторым данным, в 1917 г. число немцев в нем достигало 100 тыс. Количество столичных жителей — выходцев из прибалтийских губерний, росло очень быстро. Их привлекали возможности заработка в крупнейшем промышленном центре империи. Так, например, численность эстонцев в Петербурге за 1890–1917 гг. выросла в 5 раз — с 10 до 50 тыс., латышей в 1910 г. проживало в городе 18,5 тыс., финнов — 18 тыс., а шведов — 3 тыс. [Курило, 1996, 51, 68–69, 107, 130, 153].

В целом в 1917 г. Петроградский консисториальный округ включал 119 приходов, 167 церквей, 683 молитвенных дома, около 120 пасторов и 703 тыс. прихожан, из которых более половины проживало в северо-западных губерниях. Именно в Северной столице находились центральные органы Евангелическо-Лютеранской Церкви России: Генеральная и Петроградская консистории. Евангелие в городе проповедовалось на 9 языках: немецком, шведском, финском, эстонском, латышском, голландском, французском, английском и русском. В этом смысле Петроград был совершенно особым городом во всей Российской империи. Из 14 лютеранских приходов столицы крупнейшими являлись немецкие: в 1917 г. община Св. Петра включала 18 тыс. прихожан, Св. Анны — 12 тыс., Св. Екатерины — 11 тыс. и т. д. И Евангелическо-Лютеранская Церковь России в целом по своим теологическим, культурно-историческим традициям, особенностям организации и практики церковной работы находилась в глубоком родстве с немецким лютеранством. Официальным языком структур управления этой Церковью до конца XIX в. был почти исключительно немецкий.

Многочисленная Ингерманландская Церковь подчинялась Санкт-Петербургскому епископству, в руководстве которого ведущую роль играло местное немецкое духовенство, и лишь с 1883 г. в Домском капитуле (церковном совете при епископе)

одно из мест ассессоров стало выделяться для ингерманландцев. С 1880 г. параллельно с собраниями Синода финские пасторы начали проводить собственные собрания, на которых рассматривались дела финских общин. Архиепископы Финляндии интересовались деятельностью Ингерманландской Церкви и оказывали ей помощь. Перед I Мировой войной в Ингрии действовало 29 сельских и 4 городских прихода. Крупнейшими из них были: петербургский Св. Марии — 16,5 тыс. прихожан-финнов, Славянка — 12 тыс., Токсово — 10,8 тыс. и Скворицы-Ропша — 9,7 тыс. [Лиценбергер, 1999, 54].

Привилегированное положение Лютеранской Церкви Российской империи изменилось в 1914 г. Сразу после начала I Мировой войны на волне антинемецких настроений начались преследования пасторов. Всего так или иначе пострадали 84 лютеранских священника: 30 из них были сосланы в Сибирь, трое — преданы военному суду, двое осуждены, остальные были выселены принудительно или вынуждены покинуть места своего проживания. Подавляющее большинство из этих священников проживало в Прибалтике, но в число пострадавших входили и два представителя Петроградской губернии. Так, в августе 1915 г. в Иркутскую губернию «под гласный надзор полиции» и на «все время военного положения» были высланы пастор церкви Св. Петра в Петергофе Фердинанд Бодунген и многие члены церковных советов церквей Петрограда, а затем выслан из столичной губернии пастор Ново-Саратовского прихода Вильгельм Юкум. Запрещение богослужений и произнесения проповедей на немецком языке фактически лишало многих верующих возможности слушать их. В ноябре 1914 г. вышло постановление министра внутренних дел о закрытии евангелических обществ молодых людей и союза этих обществ в России. Приходы стали испытывать недостаток в информации, снабжении духовной литературой. Перестали выходить немецкоязычные периодические издания общин, в частности «Санкт-Петербургская евангелическая воскресная газета». Некоторые местные власти характеризовали Лютеранскую Церковь как особо опасную организацию, преследующую узконациональные интересы (ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 65. Д. 179. Л. 1–22).

Февральская революция вызвала у лютеран надежды на отмену всех ограничений и прекращение существовавших в последние годы преследований пасторов. И действительно, уже 11 марта было приостановлено действие законов, направленных на ограничение личных и гражданских прав лиц немецкой национальности. Появилась возможность возобновления немецкоязычных церковных изданий. Образованное после революции Временное правительство своими постановлениями «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (20 марта 1917 г.) и «О свободе совести» (14 июля 1917 г.) много сделало для утверждения подлинной свободы всех вероисповеданий в стране. В результате уже весной начался заметный всплеск активности руководства Лютеранской Церкви, принесшего присягу на верность новому правительству. По стране прокатилась волна конгрессов, синодов, конференций и съездов на центральном и региональном уровне. При этом были заметны две различные тенденции, особенно сильно проявлявшиеся уже в последующие годы. С одной стороны, в связи с ростом национального самосознания и возникновением проектов создания культурной автономии различных народов появились требования самоуправления национальных Церквей, предоставления свободы действий на местах, с другой, была заметна тенденция к сплочению, объединению лютеран в смутное переходное время [Kahle, 1974, 100–102].

30 мая 1917 г. Генеральная консистория довела до сведения всех пасторов и прихожан, что с разрешения Временного правительства во второй половине года в Петрограде решено созвать Генеральный Синод, которому необходимо разработать новую конституцию Евангелическо-Лютеранской Церкви России и решить следующие вопросы: отношения с государством, соотношения различных национальностей в Церкви; устройство отдельных приходов и пропств, установление новой общецерковной организации. Организационные вопросы по подготовке не проводившегося ни разу со времени официального признания Лютеранской Церкви в России в 1832 г.

Генерального Синода были в основном решены на двух конференциях — в Москве (27–29 июня 1917 г.) и в Северной столице. Петроградская конференция состоялась в конце июля 1917 г. под председательством светского президента Генеральной консистории барона Иксюля. Ее проведениею предшествовал созыв епископом Ф. Фрейфельдом генералсуперинтендантов всех консисторий и совместная выработка ими программного документа «Задачи часа». Конференция одобрила «Задачи часа», разработала свой проект церковной конституции и решила провести Синод не в конце 1917 г., как планировалось ранее, а в начале следующего года. В заседаниях конференции участвовали представители латышских, эстонских, финских и шведских приходов Петроградской губернии [Лиценбергер, 1999, 62–63]. Но зародившиеся надежды и намеченные планы уже вскоре начали рушиться. Надвигалась Октябрьская революция.

Победа социалистической революции коренным образом изменила положение всех религиозных организаций и в том числе Лютеранской Церкви. В соответствии с постановлениями новой государственной власти были национализированы все церковные учреждения: приюты, школы, больницы, издательства, типографии и т. д., конфискованы банковские вклады религиозных обществ. В дальнейшем значительная часть из 1300 лютеранских церковно-приходских школ страны оказалась закрыта. Только в Петрограде такая участь постигла 39 немецких школ. Опубликованный 23 января 1918 г. декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» заложил основы будущего, почти бесправного положения религиозных организаций, хотя содержал и целый ряд демократических положений, в том числе о свободном исповедании любой религии. Отмена государственной религии — православия — теоретически давала возможность развиваться протестантским конфессиям. Однако в декрете были пункты, серьезно ущемлявшие права верующих: запрещение религиозным общинам владеть собственностью, лишение их прав юридического лица и национализация всего церковного имущества (СУ. 1918. № 18. Ст. 263). Эти ограничения не вытекали из принципа, что религия есть частное дело граждан (частные общества имели соответствующие права), и были вызваны прежде всего политическими и идеологическими соображениями. Именно указанные запреты наиболее тяжело отразились на деятельности Церкви.

Произошедшее в 1918 г. образование ряда независимых стран — Финляндии, Эстонии и Латвии — и установление новых государственных границ сильно затруднило связи соответствующих Лютеранских Церквей с оставшимися на территории России соплеменниками. Так, невозможность учебы на теологических факультетах университетов Хельсинки и Тарту означала потерю единственных мест подготовки пасторов. В обстановке резкого падения жизненного уровня и начинавшейся гражданской войны десятки тысяч немцев, латышей, эстонцев и финнов, в том числе многие священники, покидали Россию и переселялись в прибалтийские государства. Крайне неблагоприятно на деятельность церковных учреждений влияло и общее ухудшение экономической ситуации в стране. Например, еще 30 ноября 1917 г. приходской совет Анненкирхе постановил «с наступлением будущего года (к 1 августа 1918 г.) закрыть из-за отсутствия средств» знаменитое петроградское училище Св. Анны, включавшее гимназии для девочек и мальчиков, а также реальную и начальную школы (ЦГА СПб. Ф. 2809. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

Но наибольшую тревогу у руководителя Генеральной и Петроградской консисторий, которые, как и до революции, продолжали возглавлять соответственно епископ Конрад Фрейфельд и генералсуперинтендант Артур Мальмгрен, вызывали антирелигиозные акции властей. В условиях общей демократизации приходской жизни руководители консисторий пытались оказать определенное противодействие, опираясь на широкие массы верующих. 22 января 1918 г. на конференции петроградских пасторов было решено создать школьные союзы, «которые должны стать опорой существования школ вместо церковных общин». А 26 января на общем собрании представителей прихожан городских храмов был образован «Комитет объединенных

советов евангелических приходов г. С.-Петербурга», в который вошли 13 человек, представлявших 12 лютеранских и 2 реформатские общины. Они попытались хотя бы частично сохранить церковную и защитит права приходских школ. 15 февраля 1918 г. комитет принял обращение к общинам, в котором говорилось: «Тяжелый удар затронул все христианские Церкви Российской империи. Совет Народных Комиссаров в свете отделения Церкви от государства постановил национализировать церковную и приходскую собственность... Можно сказать, что еще никогда со времени появления первых евангелических общин в России наша Церковь не знала такого тяжелого и бедственного положения... Главная задача комитета состоит в том, чтобы защитить жизненные интересы евангелических общин при возможном осуществлении декрета, особенно не имеющими законных прав лицами». Прихожан призывали информировать обо всех инцидентах в целях проведения совместных ответных мероприятий [Kahle, 1974, 474].

18 февраля комитет направил письмо в Совнарком, сообщая, что он стремится «предупреждать и регулировать нежелательные конфликты и столкновения, которые возможны при осуществлении декрета самочинными исполнителями», и прося «не отказать в своевременном уведомлении комитета о предполагаемых практических мероприятиях по осуществлению декрета» (ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 82. Л. 1). Однако власти с этим новым церковным органом считаться не стали, и его деятельность постепенно затухла.

Большой эффект приносило заступничество иностранных государств, прежде всего Германии, которая после заключения Брестского мирного договора получила определенные рычаги воздействия на советское правительство. В июне 1918 г. в германский МИД от одного из церковных активистов Петрограда поступило письмо с просьбой взять под защиту Лютеранскую Церковь России, при этом говорилось о необходимости возвращения национализированных капиталов и запрещения всякого вмешательства советских властей в жизнь евангелических общин. В письме сообщалось, что некоторые церковные и медицинские учебные заведения удалось временно спасти от реквизиции или закрытия благодаря защите Шведской миссии, которая предоставила их помещения для использования немецкими военнопленными, а именно: Александровские мужской и женский госпитали, Евангелическую больницу, помещения училища Св. Анны и Евангелической школы для детей других конфессий. Но «длительная борьба» без содействия Германии казалась автору невозможной, а «гибель неизбежной» [Kahle, 1974, 475–479].

Нельзя сказать, что подобные обращения остались без ответа. После нескольких лет изоляции уже к лету 1918 г. возобновились контакты с немецкими церковными организациями. В Берлине было образовано «Общество Евангелизации России» во главе с Д. Шрейбером, с целью установления связей пославшее в 1918 г. в советскую республику двух пасторов. Часто эти контакты осуществлялись через открытые дипломатические представительства Германии — посольство в Москве и генеральное консульство в Петрограде. Занимавшиеся вопросами возвращения военнопленных и интернированных гражданских лиц комиссии Красного Креста также оказывали определенное содействие церковным общинам. В правовом плане подобные мероприятия базировались на некоторых пунктах Брестского мирного договора, согласно которому Германии предоставлялось право защиты интересов своих граждан в России. А в крупных городах, прежде всего в Петрограде, лица, имевшие немецкое гражданство, составляли значительную часть прихожан. Церковное руководство пыталось использовать этот фактор, и Генеральная консистория даже провела 2 июля в Петрограде учредительное заседание Комитета иностранных членов евангелическо-лютеранских общин России «с целью представительства интересов этих общин» (ВА, R 901/69455, Вл. 36).

В первой половине 1918 г. многим прихожанам и пасторам еще казалось, что ситуация может вскоре измениться к лучшему. 24–26 января в Петрограде состоялась конференция делегатов общин из различных районов страны, на которой обсуждались вопросы подготовки церковной конституции. В своем письме от 28 февраля Генеральная

консистерия сообщала пасторам, что конференция «исходила из возможности проведения выборов участников Генерального Синода уже весной этого года». Еще с середины 1917 г. возобновился выход газет и еженедельников на немецком языке, в которых публиковались церковные известия. Затем пастор Винклер выпустил в Петрограде «Календарь для немецких колонистов в России на 1918 г. », а в начале 1918 г. появилось первое чисто церковное издание — книга Т. Мейера «Наследие Лютера в России», поводом к выходу которой стал юбилей Реформации. Свои обращения к верующим стала печатать Генеральная консистория и т. д. [Kahle, 1974, 32].

Но осенью 1918 г. стало очевидным, что надежды на существование особого статуса Лютеранской Церкви не оправдались. Опубликованное 30 августа постановление Наркомата юстиции «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви (Инструкция)» определило окончательно, что все религиозные организации независимо от конфессии лишаются прав юридического лица, а их имущество переходит в «непосредственное заведение местных Советов рабочих и крестьян». «Инструкция» устанавливала также, что храмы и церковная собственность по описи передается этими советами в бесплатное пользование «местным жителям числом не менее 20 человек» (так называемым «двадцаткам»), которые подписывают специальное типовое соглашение-договор и в дальнейшем полностью отвечают за сохранность имущества (СУ. 1918. № 62. Ст. 685).

Домовые же церкви при учебных, медицинских, воспитательных и др. заведениях подлежали безусловному закрытию. Для сохранения храмов была предпринята попытка заручиться поддержкой зарубежных государств. Осенью 1918 г. многие петроградские церкви получили охранные грамоты от германских представительств и Датского Красного Креста, выражавшего интересы стран Антанты. Но в условиях международной изоляции и пренебрежения советского правительства к нормам права такая попытка не принесла результатов. К тому же вскоре Германия потерпела поражение в I Мировой войне, и после аннулирования Брестского договора руководство РСФСР перестало с ней считаться. Еще в конце октября в Комиссариате юстиции Союза коммун Северной области состоялись совещания, в ходе которых было решено оставить иноверческие храмы в ведении комиссариата и принять меры для безусловного выполнения «Инструкции». 6 декабря в газетах опубликовали соответствующее обязательное постановление.

Считаясь с требованием властей, Петроградская консистория 9 октября 1918 г. сообщила в своем послании об официальном запрещении религиозного преподавания в школах, отметив, что занятия «вне учебных планов в помещениях школ больше проводиться не могут» и поэтому необходимо обеспечить религиозное воспитание молодежи иными, чем прежде, способами. 10 ноября Генеральная консистория обратилась к «пасторам и общинам Петербургского и Московского консисториальных округов» с просьбой оказать финансовую помощь еще существующему центральному церковному управлению. В этом послании также говорилось, что созыв Генерального Синода вновь должен быть отсрочен. Потеряв в силу различных обстоятельств большую часть своих членов, и Генеральная и Петроградская консистории постепенно свертывали свою деятельность и теряли влияние. Кроме того, их позиции подрывало стремление к самостоятельности общин национальных меньшинств — финнов, латышей и эстонцев, стремившихся создать свои самостоятельные консистории. Таким образом, 1918 г. характеризовался прогрессирующим разрушением церковной и консисториальной организации.

Следующий год в условиях двух походов белой Северо-Западной армии на Петроград был еще более тяжелым. Многие церкви Петроградской и Псковской губерний оказались в зоне боевых действий и пострадали от обстрелов, пожаров и разграблений. Более 10 финских и эстонских пасторов ушли вместе с отступавшими частями белогвардейцев за пределы Советской России, продолжался и легальный выезд прихожан. В 1919 г. А. Мальмгрен уже один управлял Петроградской консисторией, так как остальные 7 служащих эмигрировали (ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 82. Л. 50).

В конце 1918 — 1920 гг. в «доход казны» были перечислены все хранившиеся в банках капиталы храмов, а также различных церковных заведений, власти изъяли и метрические книги. Тогда же в Петрограде было национализировано около 30 евангелических учреждений: 4 приюта, госпиталь, лазарет, Евангелическая больница, Дом призрения, Вдовий дом, 4 кассы взаимопомощи, ночлежка, Общество защиты женщин, Общество молодых людей и т. д. При этом нередко закрывались и ликвидировались домовые церкви при соответствующих учреждениях — например кирха Св. Марии при Вдовьем доме в Петрограде или находившийся в ведении детского приюта молитвенный дом в 3-м Парголово (ЦГА СПб. Ф. 7608. Оп. 11. Д. 16. Л. 55–56, 62–65).

В то же время после революции усилились межнациональные связи лютеран. С одной стороны, в связи с ростом национального самосознания и появлением проектов создания культурной автономии различных народов в 1917–1922 гг. были образованы эстонская, финская и латышская генеральные консистории, позднее переименованные в Высшие церковные советы (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 40. Л. 4). С другой, начавшиеся антицерковные акции советского руководства требовали сплочения верующих, и в июне 1924 г. состоялся Генеральный Синод Евангелическо-Лютеранской Церкви СССР. Он провозгласил создание единой, объединявшей все народы страны, Церкви. Ее руководящие органы находились в Ленинграде.

Несмотря на запреты новых властей, во многих школах религиозное обучение продолжалось до конца 1920-х гг., а в лютеранских общинах Ленинграда — до 1938 г. В Ленинграде с 1925 г. почти 10 лет — до июня 1934 г. — функционировала единственная в СССР лютеранская семинария. Некоторое время после революции сохранялась и возможность религиозной издательской деятельности, например, в 1927–1930 гг. выходили церковный календарь и журнал «Наша Церковь» на немецком языке.

Однако с рубежа 1920–1930-х гг. развернулся широкомасштабный процесс закрытия лютеранских церквей. Уже в начале 1930 г. была предпринята попытка ликвидировать такие значительные ленинградские храмы, как латышская, финская и эстонская кирки, причем с последней это сделать удалось. 14 июня 1930 г. административный отдел Леноблсполкома сообщил Президиуму ВЦИК, что в городе осталось 9 лютеранских церквей, а в Ленинградском округе 33 (из более чем ста существовавших до революции) (ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 54. Л. 7, 118). В 1935 г. дело дошло до закрытия и некоторых крупнейших немецких храмов — Св. Екатерины, Св. Михаила и Св. Анны.

Параллельно по нарастающей разворачивались и репрессии священнослужителей. В апреле 1931 г. по требованию МИД Германии нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов передал список 32 пасторов, арестованных и находящихся в лагерях и ссылках, пообещав оказать влияние на ГПУ для облегчения их участи. Переданный список был сверен с имевшимися у немецкой стороны сведениями и дополнен еще 25 фамилиями. Известно, что в конце 1931 г. 27 пасторов получили посылки от Международного Красного Креста через германское посольство. Репрессии лютеран в СССР активно освещались в немецкой прессе, хотя сведения, сообщаемые в них, далеко не всегда были достоверными (ВА, R 4902/11244, Вл. 5). Они были явным преувеличением, но тенденция нарастания репрессий оказалась отражена верно.

Осенью 1932 г. Мальмгрен и его зять — главный пастор Петрикирхе Генрих Берендтс, были вовлечены в уголовный процесс, связанный с незаконной продажей руководством Мурманской железной дороги ворованных дров для отопления. Со склада исчезло 160 тыс. кубометров дров, из которых церковь Св. Петра и семинария купили только 12–15. Епископу удалось избежать суда благодаря содействию полпреда СССР в Германии Л. М. Хинчука. Берендтс же был приговорен 5 октября 1932 г. Линейным судом Мурманской железной дороги к 3 годам лагерей с конфискацией имущества. После подачи кассационной жалобы, в которой пастор указал, что не знал о хищении приобретенных им дров, приговор был заменен тремя годами ссылки. 31 декабря пастор выехал в Узбекистан и до сентября 1937 г. служил в Ташкенте, оставив о себе добрую память. После ареста и осуждения в 1937 г. Берендс погиб в лагере [Kahle, 1974, 133].

И в 1930-е гг. Церковь продолжала получать финансовую помощь из-за границы. Так, 6 апреля 1933 г. германское генеральное консульство передало Мальмгрёну 1 тыс. марок для поддержки пасторов; в 1934 г. Всемирный Лютеранский Конвент выделил ЕЛЦ СССР почти 16 тыс. долларов, а в 1937 г. его помощь составила 8 тыс. долларов. Но это не могло спасти положения, у Церкви оставалось все меньше сил для продолжения своей деятельности. 28 апреля 1934 г. умер президент Московского ВЦС Теофил Мейер. На траурном богослужении было решено, что руководство обеими (Ленинградской и Московской) консисториями возьмет на себя Мальмгрён. Он остался единственной руководящей фигурой в Церкви и, хотя еще в феврале 1933 г. принял решение в ближайшее время покинуть СССР, вынужден был продолжить свою полную скорби и испытаний деятельность, постоянно откладывая дату отъезда. 31 июля 1934 г. немецкое генеральное консульство сообщило в МИД, что Мальмгрён надеется вскоре уехать в Германию, а 27 июля его принял полпред Хинчук, который вновь обещал свою полную поддержку, просил в случае трудностей непосредственно обращаться к нему, но отговорил епископа от намерения вернуть пастора Берендтса в Ленинград в качестве священника церкви Св. Анны (ВА, Р 901/69454, Вл. 18, 80). После прихода нацистов к власти в 1933 г. отношения СССР и Германии стали напряженными, что сказалось и на положении Лютеранской Церкви. Все большее число пасторов и верующих совершенно голословно обвинялись в создании фашистских группировок (ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 988. Л. 22).

Даже неприкосновенный ранее Мальмгрён находился на грани ареста. В письме генеральному секретарю правления Густав-Адольф-Союза Гейслеру от 20 марта 1935 г. епископ сообщал о тяжелейшем положении Церкви и просил отозвать его. В январе 1936 г. Мальмгрён был вызван в органы ОГПУ и допрошен о его связях с границей и происхождении средств, на которые он живет. Епископу угрожали не только арестом, но и ссылкой. Летом 1936 г. тяжело больной престарелый пастырь уехал в Германию и скончался 3 февраля 1947 г. в Лейпциге (АУФСБ СПб ЛО. Д. П-30561. Л. 244).

В сообщении Германского информационного агентства от 5 ноября 1936 г. говорилось, что из 230 имевшихся в России в 1917 г. пасторов осталось только 3–4. В работах же современных историков — В. Кале и О. Лиценбергер, указывалось, что в это время в СССР еще продолжали служить 11 священников: Г. Берендтс в Ташкенте, Э. Ройш в Закавказье и девять в Ленинградской области — немцы Ф. Бодунген, Пауль и Бруно Рейхерты, Л. Шульц, латыши Александр и Ян Мигле и финны С.-Я. Лауриккала, А. Ятинен и А. Корпелайнен (ВА, Р 4902/11244, Вл. 3). Эти сведения нуждаются в некотором уточнении, финских пасторов оставалось значительно больше, в дополнение к названным: П. Бракс, И. Вирронен, Т. Кело, С. Пеннонен, П. Пуомалайнен и Н. Тигонен. Таким образом, осенью 1936 г. 15 из 17 лютеранских пасторов огромной страны — почти 90%, служили в северо-западном регионе. Но через год-полтора они также оказались репрессированы.

В период большого террора 1937–1938 гг. были арестованы практически все оставшиеся пасторы и закрыты последние действовавшие лютеранские храмы. В меморандуме германского МИД «Методы борьбы с Церковью в СССР» от 22 декабря 1937 г. говорилось: «О евангелических церковных кругах, особенно о немецких евангелических священниках в СССР, которых в последние годы особенно жестоко преследовало ГПУ, нет упоминаний, что, возможно, указывает на то, что ГПУ удалось достигнуть их полного истребления, после того как два последних немецких священника в Ленинграде были арестованы 18 числа этого месяца» (ВА, Р 901/69455, Вл. 129).

Речь здесь шла о сыне и отце Рейхертах, которых арестовали 17 ноября и 3 января 1938 г. расстреляли, в это же время, 15 января, был расстрелян и Ф. Бодунген, еще раньше Л. Шульц, латышские пасторы и некоторые финские. Лауриккалу и Кело, как граждан Финляндии, выслали из страны (второго из них — 17 апреля 1938 г.). Последний открыто служивший пастор, П. Уннукайнен, был арестован 20 декабря 1938 г. в Гатчинской кирке сразу после окончания службы. Нелегально же окормлявший верующих Ленинградской области финский священник

П. Бистер был схвачен и помещен в тюрьму 26 июня 1941 г., и практически одновременно — 28 июня, органы НКГБ арестовали проживавшего с 1933 г. в пос. Малая Вишера Новгородского округа пропта Ф. Ваккера, расстрелянного 10 июля 1941 г. (АУФСБ СПб ЛО. Д. П-44525).

Параллельно власти закрывали лютеранские церкви. В Ленинграде последней формально находившейся в пользовании верующих до мая 1938 г. киркой был латышский храм Христа Спасителя, а в области — закрытая в октябре 1939 г. церковь прихода Хаапакангас близ пос. Юкки. В конце 1930-х гг. Евангелическо-Лютеранская Церковь в СССР перестала существовать как структурное объединение, но верующие остались. Десятки тысяч финнов, немцев и эстонцев в 1930-е — начале 1940-х гг. были депортированы из мест своего постоянного проживания в европейской части СССР в отдельные восточные районы страны. Полностью планировалось выслать эти народы и из северо-западного региона, но до начала оккупации значительной части Ленинградской области германскими войсками завершить депортацию не успели. Поэтому в 1941–1944 гг. на оккупированной территории были возобновлены богослужения в эстонской церкви Пскова, а также в некоторых финских кирках (в Скворицах и др.). Служили в этих храмах, вероятно, приехавшие из Финляндии и Эстонии пасторы, которые эвакуировались в начале 1944 г. вместе с отступавшими частями вермахта. С приходом советских войск все кирки были вновь закрыты, а немцам и финнам запретили проживать в Ленинградской области.

В условиях лагерей и ссылок вера продолжала жить в людских сердцах и душах. Во второй половине 1950-х гг. на Северо-Западе России уже вновь проживало несколько десятков тысяч лютеран, в основном финнов. Их религиозная жизнь велась нелегально. Тайные богослужения в Ленинградской области совершали приезжавшие из Петрозаводска чудом выжившие в лагерях пасторы Юхана Ваассели и Паава Хайми. Первое же после долгого перерыва открытие лютеранской церкви произошло 11 декабря 1977 г. в г. Пушкине, и более 20 лет она оставалась единственной в регионе.

Массовое возрождение Евангелическо-Лютеранской Церкви произошло в 1990-е гг. Правда, в первое время не удалось избежать раскола. К январю 1995 г. существовавшие тогда три религиозных объединения официально насчитывали: Евангелическо-Лютеранская Церковь в России и других государствах (ЕЛЦ) — 58 общин, Единая Евангелическо-Лютеранская Церковь России (ЕЕЛЦ) — 32 общины и Евангелическо-Лютеранская Церковь Ингрии — 25 общин. В июне 1996 г. возглавляемая пастором И. Баронасом ЕЕЛЦ преодолела раскол и вступила в состав преемницы исторической Церкви — ЕЛЦ. Официальной главой последней с 1988 г. был епископ Харальд Калнинь. 26–29 сентября 1994 г. в Петербурге состоялся I Генеральный Синод ЕЛЦ, который утвердил переработанный устав Церкви, принял отставку Калниня и провел выборы нового епископа. Им стал германский профессор теологии Георг Кречмар, в 2000 г. удостоенный титула архиепископа и управлявший ЕЛЦ до 2009 г. Канцелярия главы Церкви и в настоящее время размещается в петербургской Петрикирхе. С 1992 г. в Северной столице выходит двуязычный (русско-немецкий) печатный орган ЕЛЦ *Der Vote*, а в апреле 1997 г. в пос. Новосаратовка на Неве начала свою работу Теологическая семинария. Как и в прошлом, Петербург и северо-западный регион в целом стали центром возрожденной Евангелическо-Лютеранской Церкви России.

Источники и литература

Источники

1. АУФСБ СПб ЛО — Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-30561; Д. П-44525.
2. ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 988. Л. 22.
3. СУ — Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263; № 62. Ст. 685.
4. ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 143. Оп. 1. Д. 82; Ф. 892. Оп. 65. Д. 179; Ф. 1001. Оп. 7. Д. 40; Ф. 2809. Оп. 1. Д. 1; Ф. 7383. Оп. 1. Д. 54; Ф. 7608. Оп. 11. Д. 16, Ф. 9620. Оп. 1. Д. 33.
5. BA — Bundesarchiv Berlin, R 901/69454; R 901/69455; R 4902/11244.

Литература

6. Вернер (1999) — *Вернер А. В.* Из истории лютеранских приходов Санкт-Петербургской губернии // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 315–321.
7. Казьмина, Шлыгина (1999) — *Казьмина О. Е., Шлыгина Н. В.* Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии и ее роль в жизни финнов-ингерманландцев // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 107–116.
8. Курило (1996) — *Курило О. В.* Очерки по истории лютеран в России (XVI–XX вв.). М., 1996.
9. Лиценбергер (1999) — *Лиценбергер О. А.* Евангелическо-Лютеранская Церковь и советское государство (1917–1938). М., 1999.
10. Таценко (1999) — *Таценко Т. С.* Немецкие евангелическо-лютеранские общины в Санкт-Петербурге в XVIII–XX вв. // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 245–280.
11. Kahle (1974) — *Kahle W.* Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden in der Sowjetunion, 1917–1938. Leiden, 1974.

Mikhail Shkarovsky. Scandinavian Influence on the Religious Life of North-West Russia in the 17th–20th Centuries.

Abstract: The article is devoted to the four-century history of the Evangelical-Lutheran Church in the north-west of Russia. The first Lutheran parish in these lands was founded in 1590. In the 17th century, under Swedish rule, Ingermanlandia was covered with a network of Lutheran parishes. After its return to Russia in the 18th century and beginning with the resettlement in the vicinity of St. Petersburg of German colonists, the presence of the Evangelical-Lutheran Church developed further. In 1917, the Petrogradsky Church District included 119 parishes, 167 churches, 683 prayer houses, about 120 pastors, and 703 000 parishioners, of whom more than half lived in the northwestern provinces. It was in the “northern capital” that the central organs of the Evangelical Lutheran Church of Russia were located: the General and Petrograd Consistories. After the revolution of 1917, the persecution of Lutherans began. In the late 1930’s, their last houses of worship were closed, and soon the Germans and Finns were deported. In the 1990’s, the revival of the Evangelical Lutheran Church in Russia began, and St. Petersburg, as before, has become its center.

Keywords: Evangelical Lutheran Church, Scandinavian influence, North-West, Russia, St. Petersburg.

Mikhail Vitalyevich Shkarovsky — Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Central State Archives of St. Petersburg, Professor at St. Petersburg Theological Academy (shkarovs@mail.ru).

Sources and References

Sources

1. AUFS SPb LO — Arkhiv Upravleniya Federal'noy sluzhby bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii po Sankt-Peterburgu i Leningradskoy oblasti [Archive Department of the Federal security service of the Russian Federation across St.-Petersburg and Leningrad region]. D. P-30561; D. P-44525. (In Russian).
2. BA — Bundesarchiv Berlin, R 901/69454, R 901/69455, R 4902/11244.
3. GARF — Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State archive of the Russian Federation]. F. 5263. Op. 1. D. 988. L. 22. (In Russian).
4. SU — Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [The Meeting of legalizations and orders of the workers' and peasants government of the RSFSR]. 1918, no. 18, st. 263; no. 62, st. 685. (In Russian).
5. TSGA SPb — Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga [Central state archive of St. Petersburg]. F. 143. Op. 1. D. 82; F. 892. Op. 65. D. 179; F. 1001. Op. 7. No. 40; F. 2809. Op. 1. D. 1; F. 7383. Op. 1. D. 54; F. 7608. Op. 11. D. 16; F. 9620. Op. 1. D. 33. (In Russian).

References

6. Kahle (1974) — Kahle W. *Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden in der Sowjetunion, 1917–1938*. Leiden, 1974.
7. Kazmina, Shlygina (1999) — Kazmina O. E., Shlygina N. V. *Evangelicheskoye lyuteranskoye tserkov' Ingrii i ee rol' v zhizni finnov-ingermanlandtsev* [Evangelical Lutheran Church of Ingria and its role in the life of the Finnish-Ingrian]. *Etnographicheskoye obozrenie*. 1999, no. 4, pp. 107–116. (In Russian).
8. Kurilo (1996) — Kurilo O. V. *Ocherki po istorii lyuteran v Rossii (XVI–XX vv.)* [Essays on the history of Lutherans in Russia (XVI–XX centuries)]. Moscow, 1996. (In Russian).
9. Litsenberger (1999) — Litsenberger O. A. *Evangelicheskoye Lyuteranskoye Tserkov' i sovetskoye gosudarstvo (1917–1938)* [Evangelical Lutheran Church and the Soviet state (1917–1938)]. Moscow, 1999. (In Russian).
10. Tatsenko (1999) — Tatsenko T. S. *Nemetskie evangelicheskoye lyuteranskoye obshchiny v Sankt-Peterburge v XVIII–XX vv.* [The German Evangelical Lutheran community in St. Petersburg in the XVIII–XX centuries]. *Nemtsy v Rossii. Peterburgskie nemtsy* [The Germans in Russia. The St. Petersburg Germans]. Saint-Petersburg, 1999, pp. 245–280. (In Russian).
11. Werner (1999) — Werner A. V. *Iz istorii lyuteranskikh prikhodov Sankt-Peterburgskoy gubernii* [From the history of the Lutheran parishes in the Saint Petersburg province]. *Nemtsy v Rossii. Peterburgskie nemtsy* [The Germans in Russia. The St. Petersburg Germans]. Saint-Petersburg, 1999, pp. 315–321. (In Russian).